

На правах рукописи

КОРОВИН Виктор Юрьевич

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РУССКОГО СТРАННИЧЕСТВА

Специальность 09.00.05 – этика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

26 МАР 2009

Воронеж – 2009

Диссертация выполнена на кафедре философии
Воронежской государственной лесотехнической академии

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Варава Владимир Владимирович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доктор
исторических наук, профессор
Щавелёв Сергей Павлович
кандидат философских наук
Загibalова Мария Анатольевна

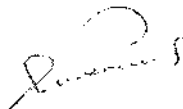
Ведущая организация: Воронежский государственный аграрный
университет им. К. Д. Глинки

Защита состоится « ___ » _____ 200__ года в ___ часов на заседании диссер-
тационного совета ДМ 212.270.02 по защите диссертаций на соискание ученой сте-
пени кандидата философских наук при Тульском-государственном педагогическом
университете им. Л. Н. Толстого по адресу: 300026 г. Тула, проспект Ленина, 125.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Тульского государст-
венного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.

Автореферат разослан « 10 » марта 2009 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

Н.Н. Михайлюкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В русской культуре странничество присутствует во многих жизненных событиях, в непосредственных философских интуициях, в облике великих людей. С позиций психологии феномен странничества можно представить как особого рода переживание физических актов, процесс поиска адекватных форм для эксцентричного самовыражения личности; социолога он будет интересовать как аспект структуры общественных связей и отношений; культурологом будет рассматриваться как архетипическая модель национальной идентичности. В то же самое время, исследование феномена русского странничества невозможно без этического анализа – ведь нравственные характеристики этого феномена высвечивают сущностный смысл данного явления в русской культуре, в частности, как один из актов нравственного самоопределения, составляющих, по словам Г. П. Федотова, «саму сердцевину нравственной жизни человека».

Феномен русского странничества представляет собой одно из наиболее значительных явлений, вскрывающих своеобразие духовности русского человека, анализ которого в настоящее время имеет важное воспитательное значение. В русском странничестве современник вполне может найти положительное открытие своих собственных духовных вопрошаний и нравственных поступков. Таким образом, пристальное изучение русского странничества в его духовной и нравственной феноменологии представляется сегодня весьма актуальной задачей для этики и культуры.

Степень научной разработанности темы. В современном общественном сознании господствует смешение понятия странничества с другими понятиями; например, странничество часто сопоставляется с бродяжничеством. В гуманитарных науках тоже не существует четкого представления о русском странничестве. До сих пор не написано ни одной работы, посвященной изучению данного феномена, хотя отечественные ученые обращались к этой теме не один раз.

В дореволюционной науке русское странничество было изучено мало и недостаточно оценено научным сообществом. В основном тема «бродячей Руси» волновала писателей-путешественников, историков-бытописателей, беллетристов с

этнографическим уклоном и фольклористов. Среди них стоит особенно выделить А. С. Гиляревского, А. В. Елисеева, С. В. Максимова, И. Г. Прыжова, М. И. Пыляева, которые, сочетая строгий документализм с разнообразием форм повествования, описывали общинную организацию коллективов «странников божьих», их быт, нравы, психологию и своеобразное мировоззрение.

Наиболее интересные философские размышления об этом явлении встречаются в трудах религиозных мыслителей Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. В. Розанова, Е. Н. Трубецкого, Н. С. Трубецкого, Л. И. Шестова, В. Ф. Эрнэ. В дискурсе русской философии странничество представлено в контексте национальной идеи России как духовный феномен, обнаруживаемый в различных слоях народа и выражающий сокровенные черты характера русского человека.

В классических работах видных богословов (И. Мейендорфа, Г. Флоровского) и историков церкви (И. М. Концевича, Г. П. Федотова) анализируется философско-религиозная составляющая феномена русского странничества на всем протяжении его исторического развития.

В своем роде единственной попыткой дать целостный образ русского странничества является труд о. Сергия Сидорова «О странниках русской земли». С. Сидоров собирал факты, известия, упоминания о событиях, связанных с жизнью странников, лично встречался и общался со многими интересными людьми. Однако его работа оказалась неоконченной, вследствие гибели автора в 1930-х годах. Это детальное описание жизни русских странников так и осталось внешним, литературно-историческим, без достаточного внимания к нравственным основаниям феномена.

В советской научной литературе специально вопрос о русском странничестве по идеологическим причинам совершенно не поднимался. Однако такие ученые, как А. М. Панченко, Б. А. Романов, И. Я. Фроянов, Ю. И. Юдин, путем анализа древнерусских текстов и былин истолковывали важнейшие источники знаний о странничестве (в широком смысле этого слова). В трудах зарубежных историков этого же времени (М. Гардзанини, Ж. Ле Гоффа, и др.) идея странничества выступает как неотъемлемая категория в ментальности человека средневекового типа.

В начале 90-х годов XX века интерес к феномену русского странничества снова возрос как в исторических, так и в религиозно-философских кругах. Вместе с тем, исследования по данной теме, в основном, посвящались «странническому согласию» – наиболее радикальному направлению в русском расколе. В работе А. И. Мальцева, продолжающей исследовательскую традицию А. И. Розова и И. Н. Харламова, в достаточном объеме приводятся подтверждаемые теми или иными соображениями описания характернейших черт русских «бегунов». Однако при всем достоинстве работы, следует отметить, что староверы-странники – явление значительно более позднее, стихийное и обладающее сомнительной нравственной репутацией.

Сегодня одной из популярных проблем в изучении русской духовности является культовая миграция к так называемым «почитаемым местам». В исследованиях специалистов по этнографии (Т. А. Бернштам, А. В. Буганова, М. М. Громыко, Х. В. Поплавской, Т. Б. Щепанской) рельефно представлены взгляды на традицию странничества в прошлом и ее связь с настоящим. В работах известных медиевистов (Н. С. Горелова, В. П. Даркевича, С. А. Иванова, М. В. Корогодиной, Л. П. Найденовой, А. Л. Юрганова), опираясь на скрупулезный анализ небольшого числа дошедших до нас письменных источников, воссоздается коллективный портрет нравов эпохи средневековья, одним из главных героев которой был странствующий человек.

В современной философской мысли, представленной именами В. И. Авдеева, В. В. Варавы, Г. Д. Гачева, А. С. Панарина, В. Ш. Сабинова, С. Г. Семеновой, И. П. Смирнова, В. П. Фетисова, С. С. Хоружего, Т. Вихавайнена, А. Сэндоу, подчеркивается значимость для русского сознания идеи вечного движения «вверх». Русское странничество здесь рассматривается в качестве реальной альтернативы цивилизационной экспансии, в качестве составляющей проекта преобразования мира, в качестве манифестации морального протеста против смертности человека. Интерес представляет работа И. Т. Касавина «Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания», в которой человеческое бытие рассматривается как бытие-перемещение. Такие понятия как «миграция», «пределный опыт», «он-

тология пути и местности» и др. интерпретируются в качестве базового инструментария неклассической теории познания.

Несмотря на присутствие в историческом и философском дискурсах темы «русского странничества», приходится признать, что целостное изучение данного явления специальным заданием научного сообщества не становилось. Идея систематизировать выводы предыдущих научных работ, расширить научное поле по данной проблематике путем привлечения новых, до настоящего времени малоизвестных и архивных источников, выявить универсальный смысл явления обуславливает выбор темы исследования, его объекта и предмета.

Объект исследования. Феномен странничества в русской культуре.

Предмет исследования. Нравственное измерение русского странничества.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы выявить духовную природу и истоки русского странничества, определить его нравственное значение для человека в контексте целостного развития русской культуры.

В соответствии с целью диссертационного исследования нами были сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть специфические черты русского странничества как духовной установки, мировоззрения и образа жизни русского человека;
- выявить нравственные истоки феномена русского странничества и его основные характеристики;
- определить смысл ценностей добродетели и ценностей состояния, характеризующих феномен русского странничества;
- определить место и роль русского странничества в современном мире.

Методология исследования. Постановка проблемы и связанные с ее реализацией цели и задачи исследования определили методологическую базу работы. Методологической основой диссертации послужило положение о том, что этика имеет двойственную описательно-нормативную природу. В области нравственности никакой факт не существует отдельно от нормы; норма же, в свою очередь, осуществляется фактически, выступая, главным образом, как ценность.

В диссертационном исследовании мы руководствовались положениями аксиологической этики, задача которой состоит в поиске ценностных оснований для

жизни. Во-первых, это позволило одновременно описывать факты (как человек ведет себя); во-вторых, позволило теоретически обосновывать идеал (как человек должен вести себя). В своей работе мы необходимо обращались к этимологическим, этнографическим, историческим наблюдениям, которые помогали открыть условия, влияющие на поведение и нравы человека. Системный подход позволил рассматривать интересующее нас явление в диалектическом единстве, дал возможность представить предмет исследования во всей полноте.

Главным исследовательским приемом выступал историко-философский метод, соединяющий в себе дедукцию (когда из основания выводятся следствия) и индукцию (когда от частных фактов делается переход к общему основанию). Такая профессиональная техника позволила совокупно применять научный синтез и анализ; при этом особая роль отводилась дескриптивному методу анализа, суть которого заключается в установлении факта путем извлечения его из эмпирически фиксируемой целостности. Конкретно – мы обращались к свидетельствам, которые дошли до нашего времени и содержат в себе какие-либо сведения, прямо или косвенно относящиеся к русскому странничеству. За основу полагались источники XIX века и начала XX века. В своем исследовании мы опирались на разнообразные по жанровым признакам тексты: богословские, агиографические, церковно-дидактические, народно-апокрифические, фольклорные, художественные, публицистические и философские. При этом основным критерием отбора материала была не художественная ценность источника, а его философская и культурная значимость.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в целостном этико-философском анализе и реконструкции феномена русского странничества, в основе которого духовно-нравственный идеал добра и самосовершенствования, осуществляемый через подвижнический опыт и аскетический образ жизни.

Положения, выносимые на защиту:

1. В диссертационном исследовании на основе этико-философского анализа определены духовно-нравственные и социальные характеристики феномена странничества. Показано, что феномен странничества является не просто свойством ка-

кой-то отдельной группы людей (например, паломников), но выступает как *общенациональная нравственная черта*.

2. В исследовании обосновано, что духовная практика странничества есть несомненный факт религиозной и нравственной жизни русского народа. В глубочайшем понимании, странничество – это явление, открытое к глубинным этическим проблемам. Если убрать из него философское вопрошание, духовную тревогу, жажду свободного выбора, искание истины и нравственной правды на земле, то в нем ничего не останется.

3. В диссертационном исследовании выявлено, что феномен странничества выступает как *пограничное* явление, связанное с выбором «доминантных» установок поведения на пути практического постижения добра. Главный субъект действия – странник: человек, который не желает жить в мире установленных социальных отношений, в состоянии «усредненности», а стремится максимально полно практически реализовать свои духовно-нравственные потенции.

4. В исследовании определено, что феномен русского странничества предстает как нравственно-возвышенное явление, возникшее на почве русской культуры. Образ жизни и духовно-нравственный опыт русского странничества мотивирован духовным миропониманием, нравственными ценностями: справедливостью и милосердием. Странники – это люди религиозно-восторженного склада, которые определяют свой образ жизни и систему ценностей через странствия к святым местам в поисках нравственного идеала. Их целеустремленность, аскетизм и подвижничество во имя абсолютной правды коренным образом отличается от «странствий» мигрантов и эмигрантов, туристов и простых бродяг, бомжей, чей маршрут проложен из одной точки в другую исключительно по «горизонтальной оси».

5. В диссертационной работе раскрыто, что феномен русского странничества представлен как *органический синтез* внешнего и внутреннего странничества. В своих высших проявлениях русское странничество – это не просто «хождение» в пространстве, но духовно-нравственное «восхождение», путь которого в русской культуре связан с лестницей христианского подвига. В своем подвиге русский странник демонстрирует мужество в преодолении угроз материального плана и умеет обходиться без жизненного «успеха» ради ценностей высшего порядка.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные теоретические выводы, полученные в результате проведенного исследования, могут использоваться для расширения предметного поля этики, для дальнейшей разработки в рамках исследований по этике, истории философии, религиоведению, философии религии, нравственному богословию, культурологии, этнологии.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в воспитательной деятельности, а собранные сведения – в научно-педагогической работе. Отдельные положения диссертационного исследования могут быть использованы также в учебном процессе при чтении курсов социальной философии, этики, культурологи; при подготовке вариативных и факультативных курсов по проблемам традиционной культуры России.

Апробация работы. Диссертационная работа обсуждена на кафедре философии Воронежской государственной лесотехнической академии и рекомендована к защите в диссертационном совете по специальности 09.00.05. – Этика.

Основные идеи исследования изложены в ряде статей, опубликованных в научной печати и представлены в докладах на областной научно-практической краеведческой конференции; на межвузовской научной конференции «Нравственная философия в России: состояние и перспективы» (г. Воронеж, 2005 г.); на межвузовской научной конференции «Современная Россия: забвение Абсолютов» (г. Воронеж, 2006 г.); на региональной научной конференции «Человек и общество XXI века в условиях новой техногенной цивилизации» (г. Воронеж, 2007 г.); на региональной научной конференции «Международные отношения в глобализирующемся мире» (г. Воронеж, 2008 г.); на городской научно-методической конференции «Культурология: пересечение научных сфер» (г. Воронеж, 2008 г.); на межвузовской научно-практической конференции «Этнография Центрального Черноземья» (г. Воронеж, 2008 г.); на этико-философском семинаре им. Андрея Платонова «Русская философия сегодня (идеи и направления)» (г. Воронеж, 2008 г.).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, содержащих девять параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования; освещается степень ее разработанности; определяются объект, предмет и научная новизна исследования; ставятся цель и задачи, определившие общую направленность исследования; указываются теоретические и методологические основания диссертации, показывается ее теоретическая и практическая значимость; определяется структура работы.

В *первой главе* диссертации «**Феномен странничества в русской культуре**» показывается неизменное присутствие концепта странничества на всех уровнях русской культуры (народном, национальном, субкультурном).

В *первом параграфе* «**Понятие странничества: историко-лингвистический анализ**» прослеживается семантика соответствующего термина, представленная в русской словесности и повседневной жизни.

Общая история человечества говорит о том, что человеку от природы присущ «инстинкт поиска», а неземная тяга вдаль отвечает его общим (материальным и духовным) потребностям и интересам. В каждой культуре имеется «свой» масштаб путешествий, значение которого ограничено ее пределами. В коллективном сознании русского народа неизменно и ощутимо присутствует единый концептуальный комплекс, связанный с идеей «странствия». Как показывает этимология, «странствие» обозначает *дальнее* путешествие из одной местности в другую, жизнь в *постоянных* переездах (т. е. соответствует термину «миграция» как перемещению людей, связанному с переменной места жительства). Согласно признанной классификации существуют странствия по экономическим мотивам (погорельцы), социальным мотивам (бобыли), государственным (переселенцы) и т. д.

На протяжении всей русской истории *долгие* странствия притягивали людей самых разных по внешности, роду занятий, чертам характера. Однако особую группу всегда составляли странники «по внутреннему призванию» (например, в «уставе Владимира»). В народе странником называли человека, с усердием и любовью ходящего по, так называемым, святым местам и отдаленным монастырям, постоянно молящегося за кого-нибудь и живущего милостыней.

Странник – не бродяга, не «голь перекатная», которые кочуют с места на место в поисках «доходных» мест. Но он и не беглец, не искатель приключений, хотя в нем есть черты и того, и другого. Тем не менее, не они определяют его подлинную сущность. В специальном значении странник – это человек, который предпринимает «выход» из «суетного мира», в виду высоких религиозных чувств и склонности к набожности. Отсюда – искомое нами понятие «*странничество*» в значении культурно-бытового явления, связанного со странствованием пешком в целях богомолья («Толковый словарь» В. И. Даля).

С ранних текстов устойчивой является предельно широкая и метафорическая трактовка странничества как типа поведения, то есть именно так, как это слово употребляется и сегодня. Русское слово странничество часто употребляется в значении аскетического термина: как невозвратное оставление человеком в своем отечестве всего, что сопротивляется его стремлениям к благочестию. Здесь говорится больше о намерении вести отличную от других людей жизнь, принимать на себя вид «пришлого человека» (по обету).

Странничество отличается от всяческих странствий (даже в сакральные места) тем, что не ведает конечной цели в социофизическом пространстве. Становясь странником, человек достигает своего максимума, отличаясь от туристов и паломников, а также всех тех, чей маршрут проложен из одной определенной точки в другую. Земные дороги направляют странника, ставящего себе задачу самосовершенствования, в некую духовную реальность.

Странничество как культурное, сопровождаемое текстоположением, явление берет начало еще в Древней Руси и окончательно формируется в Московском государстве в XV – XVI в.в. В период испытанной страной избыточной свободы складывается репертуар «калик переходжих» – «творческого цеха» странников. Однако это ксенофобское и сoterиологическое странническое движение не было всецело принято в социальное лоно институций (опричнина Ивана Грозного). Петровская попытка прекратить в стране кочевое странничество поселила тревогу и сомнение в русскую душу, что привело к созданию секты «бегунов». Во второй половине XIX века образованное общество открывает для себя не только странническую традицию в ее чистом виде, но и бродячие мотивы раскольничьей мифологии.

По замечанию Г. П. Федотова, «богоискательство», «святое беспокойство», – то, в чем видят нередко сущностное свойство русского религиозного странничества, – на самом деле суть явления нового времени. В XX выделяются уже два магистральных пути странничества (С. Сидоров). Первый – путь русских интеллигентов, аскетов с пробудившейся совестью, беспокойно мечущихся от монастырских келий к озеру Светлояру. Второй – путь странничества ради самого странничества, когда порвав с уютом, становятся странниками во имя Христа на дорогу.

Во втором параграфе «Философская идеализация странничества в русской общественной мысли» раскрываются смысловые установки данного феномена.

В дискурсе русской общественной мысли странничество предстает, во-первых, как подвижническое поведение; во-вторых, как массовое поветрие, объединяющее в себе религиозные порывы с профанной деятельностью. Самый очевидный пример философской идеализации странничества – работа Н. А. Бердяева «Душа России», в которой странник представлен как свободолобец, всегда ищущий абсолютной правды. В сочинениях, посвященных национальному характеру русских, религиозное странничество связывается с поиском абсолютного добра (Н. О. Лосский, В. Шубарт). Философ Е. Н. Трубецкой странничество сближает с поиском сказочными героями «иноного царства», выступающего как категория духовная, а не вульгарно-материальная. В русской безродности и бездомности отечественные мыслители обнаруживали не измену родине, а наибольшую верность ей – высшее утверждение народности (Д. С. Мережковский). Странничество часто представлялось национальной формой борьбы с мешанством в контексте моральной миссии русской интеллигенции (Л. И. Шестов).

Во времена религиозно-философского ренессанса духовное «кочевничество», выйдя за рамки мифологических кодов, легло в основание «светских житий» многих представителей высших слоев общества. В рамках идентификации русской интеллигенции наиболее творческие ее представители были воспеты как странники. В памяти потомков странником остался самый первый оригинальный представитель русской философии – Г. С. Сковорода. Страннический посох, который мыслитель не выпускал из рук на протяжении большей части своей жизни до самой

смерти, стал подлинным символом всей русской мысли. Хрестоматийный лик В. С. Соловьева, из которого передовая русская мысль выводит все последующие, это – странник. В истории русской общественной мысли идея странничества дала о себе знать в философии истории П. Я. Чаадаева, в жизненной драме Н. В. Гоголя, в своеобразных жизненных жестах (уход Л. Н. Толстого из дома). Странничество мифологизировалось во многих литературных образах (герои-странники у А. С. Пушкина, униженные герои у Ф. М. Достоевского, очарованный странник у Н. С. Лескова, художественная философия бегства у А. П. Чехова, «Письма...» русских путешественников).

Таким образом, странническая культура инициировала длительную традицию, тянущуюся вплоть до XX в. Это отличает восточно-славянский ареал от романо-германского, где средневековое творческое скитание не нашло некоего непрерывного продолжения. В Западной Европе уже к позднему средневековью не только выветрился дух крестовых походов, но и ослабел вкус к путешествиям, и европейское общество превратилось в «мир домоседов», а странники стали «окаянными людьми» (Ж. Ле Гофф).

В *третьем параграфе «Религиозные истоки русского странничества»* производится реконструкция отечественной «страннической традиции» с учетом многообразных факторов. В силу того, что содержанием странничества в его духовной природе служит православие, особое внимание уделяется религиозному фактору, определяющему его ядро.

1) фактор материальный (исторические, социальные и государственные процессы). В диссертации обосновывается, что идея странничества в русской культуре, существовавшей в условиях стеснения движения и подавления личности, делает символ нестесненного движения особенно привлекательным. Именно странники нередко были «бунтующим» элементом русского общества, возмутителями спокойствия, которые оставляли привычное, надеясь на разрешение жизненных противоречий в других местах, в «обетованных землях» (Н. А. Хренов).

2) фактор психологический (этноэкология, этнопсихология, национальный характер). В бытии русского народа постоянно сталкивались центростремительные и центробежные силы, составляя нерасторжимое диалектическое единство русской

истории. В жизни русского этноса передвижения всегда играли заметную роль, а процесс расселения и освоения огромных территорий не закончен и в настоящее время. Эти перемещения народных масс были связаны не только с уходом от чего-то, но и со стремлением к чему-то. Русский народ всегда в движении, хотя и не как кочевые народы. Как отмечает современный этнограф Т. Б. Щепанская, русские – движущийся этнос с самосознанием «оседлого». Исполнок веков из его среды выходили путники, отправлявшиеся искать, кому и где «на Руси жить хорошо».

3) духовный фактор (фольклор, искусство, религия). Главным образом, данный фактор усиливается тем обстоятельством, что Русь органично заимствовала фундаментальные принципы византийско-православной этики. Как замечает К. Н. Леонтьев, в нравственном мире «византийская идея» имела склонность к разочарованию во всем земном, в смысле «земного счастья» и «сытого довольства». Вместе с ее принятием, русские приобрели и само понятие о странничестве как нравственном подвиге и целенаправленной устремленности к духовной красоте.

В славянской мифологии (до принятия христианства) дорога занимала важное место. Она считалась не просто нитью, которая связывала человека с внешним миром, но местом, где проявлялась его судьба, доля, удача при встречах с людьми, животными, демонами. Православие, в свою очередь, привнесло в идею странничества новый дух, который оживил самую субстанцию явления, передав русской культуре идеальные образцы «жизни-жития» странников. В системе христианских образов «дорога-судьба» – это тернистый путь страдания во имя спасения людей и постижения вечных ценностей. Цель странничества как бы выносится за пределы земной жизни, а потому не очерчена с достаточной точностью, выступая мощным стимулом к движению. Христианской мифологеме пути принадлежит очень большая роль в выражении идеи странничества как средства к достижению главной цели каждого христианина – вечного спасения («Послание» Климента Римского).

В христианстве судьба человечества предстает как некое долгое странствие от Рая к Страшному суду, в котором судьба каждого человека есть, в свою очередь, его отражение. В образе «Церкви странствующей» выражается сознание христиан, что они граждане неба, стремящиеся на земле к потерянному отечеству (Тихон Задонский). Переселение на небеса и духовное возрождение как новая цель жизни

человечества после первого «осевого времени» – это, преимущественно, христианская идея. В философских системах Индии, например, странничество – это образ движения по кругу. Странничество христианского духа есть движение по узкой и предначертанной жизненной тропе к цели, лежащей вдали от места старта.

Человек «пути» перемещается по определенной этической траектории в линейном направлении, которое подразумевает запрет на боковое движение. При этом линейное пространство вовсе не безгранично, но обладает признаком заданности направления (символ «Царства Божия», которое космически будет, а онтологически вечно есть). Всякий, кто движется в нем, получает признак внутренней эволюции от исходной точки к конечной, а пребывание в каждой точке морального состояния мыслится, как переход в другое, за ним последующее.

Русский странник представляет собой целый психологический тип, «беспокойный элемент общества», ищущий для себя и остальных «иной судьбы». В русской культуре тот потенциал «пассионарности», которым обладал славянин древнего языческого типа, был сохранен и преобразован на основе «светлого космизма» православия. В новом понимании странник выступает не в своей статической богооставленности, а в динамическом пограничном состоянии: он некогда был светлым началом и в конечной перспективе подлежит полному преображению.

Во *второй главе «Духовно-нравственные черты феномена русского странничества»* определяется конкретно, то место, которое занимает описываемая «духовная традиция» в ряду других родственных явлений.

В *первом параграфе «Нравственный опыт странничества русских религиозных подвижников»* анализируется явление, в котором «духовная красота» странничества достигает самой большой наглядности. Природа подвижничества всегда амбивалентна: инок до самой своей кончины поставлен в пограничные условия, как сопричастник и поборник бессмертного добра на земле. Подвижничество – это образ движения и действий силы духа, которые возвышают «идущего» над объективной реальностью и выводят его за пределы этого мира.

В истории восточного православного монашества, странничество наиболее полно раскрывается через свидетельства о тех подвижниках, которые всеми силами стремились выйти к иному порядку (пример Максима Кавсокаливита, Корнилия

Комельского, Кирилла Новоезерского). На деле, их странничество предполагало разрыв всех внешних связей с миром, изменение внешнего порядка существования и создание обстановки, альтернативной той, в которую был прежде погружен человек. С помощью такой «раскачки сознания» создавались предпосылки для радикального обновления и переустройства внутренней реальности.

Русское подвижничество, имеющее сторону, обращенную к Богу, имеет отношение и к правдивой жизни человека. Это проявляется в странничестве, всегда связанном с жизненными перемещениями. С нравственной точки зрения, странничество подвижников представляется попыткой достижения и реализации в истории того, что по существу лежит за ее пределами. Стремясь к стяжанию «сверхнормативной евангельской этики благодати и любви», инок выбирает неведомый миру путь решения проблем, круг которых остается прежним. Странничество подвижника – это отречение от мира во имя идеалов ему непосильных, а не отрицание мира во имя начал ему враждебных. В монастырском «нестяжательстве» и социальном служении миру странническая жизнь подвижника получает свое окончательное нравственное оправдание («Предание» Нила Сорского).

Во *втором параграфе «Нравственный опыт странничества русских паломников»* речь идет о практике культового путешествия к тем местам, где много святынь и реликвий. В общих чертах паломничество представляет собой способ быть, искать, обретать и совершенствоваться непосредственно через соприкосновение с видимым источником «нравственной чистоты».

Во времена первых христиан странствие к святыням мыслилось символически: как полный всяческих отречений и жертвенной любви путь человека к Богу. В долгом путешествии подвижники полагали начало своего «духовного обращения», а простые миряне находили разновидность замены монастырской аскезы, элемент действительного очищения. С первых дней всеобщего принятия христианства, русские люди всех классов неоднократно устремлялись к дальним и местным святыням со своими думами, мольбами и упованиями, в трудные переломы общественной жизни, в печальные или радостные минуты своего частного существования («Хождение игумена Даниила»). Русские пилигримы шли в освященные уголки

никами «селения» прежде всего, с неутилитарной целью: насладиться их речами и мудростью.

В русской культуре был достаточно распространен преувеличенный взгляд на паломничество как вынужденную меру, с помощью которой исправляется любой грех («анти-паломничество» былинного Василия Буслаевича). Однако русскими странниками всегда отстаивалась позиция, согласно которой подвиг паломничества должен утверждаться не в одном только факте паломничества – совершении всех полагающихся обрядов, а должен простираться и на исполнение других нравственных требований. Внешнее странствие – это только средство, помогающее человеку разглядеть в своем внутреннем мире еще тлеющие искры того же огня, которым горит озаривший его «светоч». Самое главное в паломничестве – увидеть, а от увиденного покаяться в грехах и исправить свою жизнь, то есть изменить жизненную перспективу. В действительности происходит не просто смена обстановки привычного домашнего уклада; сама «атмосфера», заложенная в душевном состоянии человека, несущего ее повсюду с собой, становится другой.

В *третьем параграфе «Нравственный опыт странничества русских юродивых»* рассматривается самый парадоксальный образ духовного странничества. Собственно, «странничество Бога ради» в русской культуре всегда тесно соседствует с юродством, отличающимся крайними пределами человеческого существования (блаж. Феодор Новгородский, блаж. Дарьюшка).

История православного юродства восходит к тем временам, когда христианская религия постепенно рутинизировалась, а церковь вместе с государством начинали навязывать подвижникам оседлость. Расцвет русского религиозного юродства также почти всегда приходился на годы внешнего благополучия, когда возникала острая необходимость напомнить себе и миру о том, что за повседневностью может скрываться ослепительное сияние вечности. Страннический способ существования, по существу, выступал формой протеста, презрением к «благам» посюстороннего мира, укором благополучному, но бездуховному миру. Этим настоящие юродивые отличались от той толпы странствующих «кликуш», босоногих нищевродов, развращенных нравами и развращавших других своими притчами, которые много молились перед людьми, а тайком имели склонность к промысловым предприятиям.

Подвиг юродства захватывает собой моральную сферу, что выражается в «странном», «отклоняющемся» от принятых моделей поведения, направленных на искоренение порока в себе и окружающих. В ряду остальных «провокаций» странническая жизнь являлась неким актом посвящения в юродивые, символизирующим смерть обывателя. Самым дорогим для него было не земные блага, а возможность странствовать в лоскутном рубище. Юродивые странствовали по городам и жили как потерявшиеся дети, подражая безумию Иисуса Христа, который однажды на кресте добровольно потерял жизнь, бросив все, чтобы спасти любовь. Классический образ юродивого – странствующий одиночка с *полным самосознанием*, почти всеми оставленный и отверженный. Его социальные приметы – «бездомная собака», как знак отчуждения, и «церковная паперть», как пограничная полоса между светским и церковным миром. Юродивый, тем что он не имеет дома, желал показать реальность «анти-мира», возможность невозможного. Он ощущал себя дома повсюду, усматривая в любом месте источник творческих вдохновений. Юродивый не знает в пределах этой жизни очерченной цели своих странствий, поэтому часто его «скитание меж двор» заканчивалось смертью «неведомо где и когда».

В *третьей главе «Нравственные характеристики феномена русского странничества»* анализируется нравственный опыт русского странничества по трем основным областям нравственности.

В *первом параграфе «Аскетическое начало в русском странничестве»* показано, что данный феномен связан с процессом нравственного самосовершенствования.

В данном параграфе рассмотрена *нравственная мотивация*, свойственная проявлению феномена русского странничества, которая связана со стремлением к свободе. Миграционное сознание в целом формирует идею «пути» как руководимого собственной волей движения за пределы, задаваемые непосредственно окружением (И. Т. Касавин). В русской культуре странничество проявляется через ощущение свободы. Природа русского странничества такова, что тяжкие испытания помогают человеку приобрести глубоко выстраданный экзистенциальный опыт, недостижимый в комфортной обстановке. Русский странник представляет

собой тип человека «открытого пространства», «незамкнутого морального локуса», миграция которого определяется движением к свободе и самосовершенствованию.

В диссертационном исследовании рассмотрено *ценностное содержание* мотивации русского странника, которая связана, прежде всего, с представлениями о духовно-нравственной высоте человеческого бытия. Странник жертвует «домашними» благами, такими, как дорогая одежда или привилегированное положение, оставляя привычную среду ради одной возможности начать движение в поисках качественно иной жизни. С полным правом можно сказать, что в феномене русского странничества проявляется настороженность сознания человека в отношении мира дольнего и экстатическая устремленность к миру горнему.

В диссертации подчеркивается, что феномен русского странничества характеризуется такими чертами как аскетическая жертвенность, бытийная ответственность (сохранение своей внутренней свободы, достоинства, человечности), связанными с верностью собственным обетам. Исследование нравственного *опыта образа жизни русского странника* показывают, что здесь большое значение отводится выполнению специальных *правил воздержания*: ограничивается потребность в разговоре, вводится правило целомудрия и умеренности в питании (духовный стих «Сорок калик со каликою»). В этом смысле феномен русского странничества есть антитеза миру пошлости с его богемной распушенностью и волевой безответственностью, которые приводят индивида к физической и моральной деградации.

Таким образом, русский странник не имеет однозначной ориентации в эмпирическом мире, однако его опыт и образ жизни сориентированы на идеальные ценности, приближаемые посредством осуществления реальных целей в процессе духовного самопознания.

Во *втором параграфе «Общественное начало в русском странничестве»* принцип сострадания анализируется как главный.

Нравственное начало в форме справедливости в русском странничестве связано с моментом искренних переживаний человека. Русские странники в мире земном, кроме сакральной вертикали земля-небо, видят еще и пространственную горизонталь, которую наделяют особым смыслом. Они пытаются перенести заветное царство, которое предстоит основать на началах абсолютной правды и справедливости.

ности, на новое место, в новый центр мира. В глубоком смысле – это есть этическое выражение чувства всеобщности, с которого начинается спасительный путь построения общества, подчиняющегося другим законам. Русский странник признает несоответствие строя общественной жизни нравственным потребностям своей личности и, вместе с тем, ощущает во всех людях изначально неделимое целое. Как прекрасно показывает в своих произведениях писатель А. Платонов, русские странники страдают не столько от внешних катаклизмов, сколько от «расколотости бытия». На противоположном этическом полюсе находятся странствия «скептического духа», олицетворяемые русской сектой бегунов, удаляющихся от мира, пламенно ненавидя его и не замечая ни одной благой черты в нем.

Нравственное начало в форме милосердия в русском странничестве связано с чувством человеколюбия, на деле означаям страннолюбие. В этом непосредственно проявляется связь русского странника с «оседлой средой» в виде «института» *странноприимцев* («покоящих и принимающих странников»). Со своей стороны, странник активно предоставляет себя в качестве потенциального объекта для щедрости, побуждая принимающую сторону к проявлению скрытых в себе возможностей и умения любви к ближнему. Странноприимец, в свою очередь, подавая помощь в виде духовной или материальной благотворительности, входит в положение странника, что наполняет его жизнь нравственным интересом. Такая прочная система, в которой задействованы люди разного звания и положения, только способствует укреплению связей в духовной жизни общества.

В русском странничестве выражается стремление человека сломать барьеры, отделяющие его от целого и выйти за пределы своего ограниченного «я», за преграду собственных интересов. В отличие от человека гедонистического типа, более изнеженного и духовно робкого, русские странники и странноприимцы – суть носители «первичного опыта», который проистекает из обязательства давать и возвращать. Странник, спасая жизнь себе, делает это в первую очередь для себя, но тем самым немного служит и на пользу остальному обществу. Не случайно именно странник становится идеальным образом, который русский человек любил носить в мысли, как олицетворение своих лучших чувств и помышлений (В. О. Ключевский).

В *третьем параграфе «Религиозное начало в русском странничестве»* показано присутствие в данном феномене целенаправленных усилий человека по изменению себя и преобразению действительности. В целях большей достоверности выводов русское странничество сравнивается с туризмом как исторически эволюционировавшей формой путешествий, совершающихся для отдыха.

В русском странничестве имеет место направленность на индивидуализированное, духовное преодоление рутинной и безличной повседневности. Русского странника поднимает и гонит в «таинственную даль» неудовлетворенность в нравственном и духовном отношении. В своих скитаниях он стремится, так или иначе, пережить Фаворское чудо и привнести в повседневность дополнительные, но вместе с тем возвышающие смыслы. Он думает об уникальном и чаёт себе в настоящем того, чего не видит ни он, ни другие (биографии писателей Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева). Русский странник желает осознать разумность своего существования на земле, найти в себе и своем окружении спасительное лекарство от идолопоклонства тлену. Как замечает современный философ С. Г. Семенова, переход к богочеловеку – это и есть переход к существу деятельному, существу символическому, реально исполняющему проект преобразования мира, осуществляющему художественно-мистериальное его предвосхищение.

В туризме имеет место организация и провоцирование событий, в первую очередь, эстетически ярких и наполненных острыми ощущениями. Такая тяга к приключениям и праздности может иногда дополняться неким «экстремальным» содержанием, однако ни человек, ни его повседневность от этого не меняются. «Путешествующие ради удовольствия» (выражение Ф. Ницше) – это массовые зрители, не желающие расширять круг осмысленной деятельности, а потому, не способные превратить свои поступки из стереотипных в проанализированные и объясненные. Русский странник, даже если он путешествует не один, – индивидуален; турист, даже если его тур индивидуальный, – все равно клиент (один из потребителей массового товара), которого всегда «ведут и везут». Турист деперсонифицируется в событиях, которые по внешнему содержанию своему внешни ему, что является серьезным препятствием к одухотворению жизни.

В информационном пространстве современной действительности туризм иллюстрирует не содержательное, а формальное различие социальной действительности. Туризм есть выражение релятивизма в этике, с его идеей относительности практических добродетелей. Как замечает антрополог К. А. Богданов, в качестве туристической «достопримечательности», реальность совершения безнравственного поступка равна его виртуальной действительности, а всякое этическое значение здесь не более чем игра случая и прихоть обстоятельств. В перспективе «мультикультуризма» современник готов прославлять плюрализм и принимать «чужое» в порядке распространения опыта своего сознания и своей культуры. Наоборот, русский странник не является космополитом, так как, обтекая мир, он сердцем постоянно стремится с «дальней стороны» к «отеческим гробам». В своих религиозных началах русское странничество предстает как цепь волевых решений, направленных на то, чтобы каждый час и каждое место своего пребывания сделать дорогими и запечатлеть их в памяти ума, чувства и души.

В заключении подводятся итоги, формулируются выводы и обобщения, отмечаются перспективы дальнейшего исследования темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

***Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК
МОиН РФ:***

1. Коровин В. Ю. Духовные начала «русского странничества» // Социально-гуманитарные знания. Дополнительный выпуск. – № 4. – Москва, 2008. – С. 141-148.

***Статьи в сборниках научных трудов и тезисы докладов
на научно-практических конференциях:***

1. Коровин В. Ю. Особенности «хождений» в изучении эстетического сознания Древней Руси / В. Ю. Коровин // Актуальные проблемы совершенствования преподавания культурологии и культурологических дисциплин в высшей школе. Материалы городской научно-практической конференции. – Воронеж, 2004. – С. 48-51;

2. Коровин В. Ю. Феномен «странствия» и нравственная философия в России / В. Ю. Коровин // Нравственная философия в России: состояние и перспективы: материалы межвуз. науч. конф. – Воронеж, 2005. – С. 28-33;
3. Коровин В. Ю. Досуг: в поисках истины / В. Ю. Коровин // Современная Россия: забвение Абсолютов: материалы межвуз. науч. конф. – Воронеж, 2006. – С. 99-105;
4. Коровин В. Ю. Перспективные направления исследования русской церковной истории «Отчего края» / В. Ю. Коровин // Воронежское краеведение: традиции и современность. Материалы областной научно-практической краеведческой конференции. – Воронеж, 2006. – С. 130-135;
5. Коровин В. Ю. Странноприимство «нового Средневековья»/ В. Ю. Коровин // Человек и общество XXI века в условиях новой техногенной цивилизации: труды регион. науч. конф. – Воронеж: ГОУВПО ВГТУ, 2007. – С. 216-221;
6. Коровин В. Ю. Постановка проблемы изучения перепутных крестов Воронежского края / В. Ю. Коровин // Культурология: пересечение научных сфер. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – Вып. 2. – Воронеж, 2008. – С.44-50.

Подписано в печать 10.03.2009 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Заказ № 70. Объем 1,5 п.л. Усл. печ. л. 2,34. Уч.-издл. 1,33.

Тираж 100 экз. Воронежский государственный аграрный университет им. К. Д. Глинки.

Отпечатано в типографии ООО «Мёбиус», г. Воронеж, ул. Красноармейская, 62, www.mebius.ru